П. П. Огіенко.

Научныя знанія въ Ключѣ разумѣнія Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII вѣка.

I.

Іоанникій Галятовскій — одинъ изъ извѣстнѣйшихъ южно-русскихъ духовныхъ писателей XVII вѣка, много поработавшій въ защиту гонимаго тогда православія. Образованіе Галятовскій получилъ въ Кіево-Могилянскомъ Коллегіумѣ, по окончаніи котораго сдѣлался учителемъ воспитавшей его школы, а съ 1657 года и ректоромъ ея. Ректорство, впрочемъ, продолжалось недолго, и уже въ началѣ 1564 г. Галятовскій, не поладивъ съ тогдашнимъ мѣстоблюстителемъ митрополичьяго престола, эмигрируетъ во Львовъ, гдѣ занимается печатаніемъ своихъ трудовъ. Съ 1669 г. Галятовскій становится архимандритомъ Черниговскаго монастыря, и въ этой должности онъ пребывалъ до своей смерти († 1688 г.).

Галятовскимъ написано много трудовъ, доставившихъ ему большую извѣстность и всеобщее уваженіе. Однимъ изъ главныхъ и наиболѣе читаемыхъ трудовъ его былъ „Ключъ разумѣні"—сборникъ проповѣдей; книга эта выдержала три изданія, широко распространилась не только по южной Руси, но и далеко за предѣлами ея, и вскорѣ была переведена на языки русскій и румынскій (Ключъ разумѣнія" написанъ литературнымъ малорусскимъ языкомъ тогдашняго времени [1]).

[1]) Подробнѣе см. въ нашей статьѣ: „Изданія „Ключа разумѣнія" Іоанникія Галятовскаго", Русскій Филологическій Вѣстникъ за 1910 г кн. 2.

Галятовскій — выдающійся проповѣдникъ XVII вѣка. Въ то время въ церковной проповѣди установилось особое направленіе,—въ нее вносились разсказы изъ разныхъ областей знанія, служившіе примѣрами проповѣднику. Разсказы эти изъ церкви выносились слушателями и поступали во всеобщее обращеніе.

Іоанникій Галятовскій—одинъ изъ ученѣйшихъ представителей XVII вѣка. Можно сказать безъ преувеличенія, что все, что только зналъ и читалъ XVII вѣкъ, чѣмъ онъ жилъ и во что вѣрилъ,—все это вмѣщалъ въ себѣ знаменитый авторъ „Ключа разумѣнія".

Сочиненія Галятовскаго показываютъ громадную начитанность автора; поля написанныхъ имъ трудовъ всегда полны названіемъ прочитанныхъ книгъ. Правда, начитанность Галятовскаго кажется немного односторонней,—она вращается большею частію въ границахъ духовной литературы и всего того, что имѣетъ къ ней то или иное отношеніе. Но эту односторонность можно объяснить вообще подобнымъ характеромъ образованности XVII вѣка.

Мы не будемъ сейчасъ перечислять всѣхъ тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Галятовскій при составленіи своего перваго труда—„Ключа разумѣнія", такъ какъ займемся этимъ вопросомъ въ спеціальной статьѣ, посвященной выясненію источниковъ всѣхъ знаній Галятовскаго, открывающихся намъ изъ всѣхъ его трудовъ. Цитатъ въ "Ключѣ" [1]) въ высшей степени много, рѣдко какая страни-

[1]) Ссылокъ на источники въ „Ключѣ" 1665 г. гораздо больше чѣмъ въ предыдущихъ изданіяхъ; напр., въ казаньи 2-мъ на Рождество почти всѣ научныя ссылки новы, ихъ нѣтъ въ „Ключѣ" 1659 г. Въ „Ключѣ" 1665 г. были и незначительныя поправки ссылокъ (см. л. 295 Кл. 65 г. и л. 193 об. Кл. 59 г., и др.—гдѣ, большею частію, исправлены обозначенія главъ источника). Иногда ссылокъ не находимъ, какъ напр. на л. 95 Кл. 65 года нѣсколько сказаній передаются безъ обозначенія, откуда они взяты. Въ тѣхъ казаньяхъ, которыя добавлены Галятовскимъ въ Кл. 65 г., какъ напр. въ казаньяхъ недѣльныхъ,

ца не имѣетъ ихъ по нѣскольку. Обозначаются ссылки большею частію полно: заглавіе книги и мѣсто изъ нея.

Въ своемъ извѣстномъ руководствѣ по гомилетикѣ „Наука албо способъ зложеня казаня“ Галятовскій перечисляетъ тѣ источники, изъ которыхъ онъ и самъ черпалъ свои знанія, и совѣтовалъ черпать другимъ. „Треба чытати Быблѣю“, говоритъ онъ: „Животы святыхъ, треба читати учителей церковныхъ“ [1]). Но не только духовную литературу рекомендуетъ Галятовскій—и свѣтской онъ удѣляетъ большое мѣсто. „Треба читати Гисторіи“—продолжаетъ авторъ: и „Кройники о розмаитыхъ Панствахъ и сторонахъ, щося въ нихъ дѣяло и теперъ щося дѣетъ, треба читати книги о звѣрохъ, птахохъ, гадахъ, рыбахъ, деревахъ, дѣлахъ, камѣняхъ и розмаитыхъ водахъ, которыи въ морю, въ рѣкахъ, въ студняхъ, и на иншихъ мѣстцахъ знайдуються“ [2]). Вообще, „чытай книги, и що хорошее вычитаетъ, нотуй собѣ и до своего казаня аплѣкуй“ [3]). Галятовскій точно слѣдовалъ своимъ правиламъ и заносилъ въ свои казанья все, что только вычитывая.

Въ то время въ южной Руси и Польшѣ было распространено много сборниковъ, изъ которыхъ можно было почерпнуть почти всѣ необходимыя проповѣднику знанія, такъ называемыя „приклады“. Были сборники такихъ прикладовъ Ликосѳена, Эразма Роттердамскаго, speculum exemplorum Polyantaea и проч. Особенной популярностью, какъ въ Польшѣ, такъ и въ южной Руси, пользовалась книга Мефрета—„Hortulus Reginae“, 1625 г., содержавшая въ себѣ массу свѣдѣній по естествознанію, исторіи философіи и

преобладаетъ житійная литература; этой житійной л-ры особенно много въ послѣдней части книги—въ казаняхъ на праздники святыхъ. Поражаетъ употребленія цитатъ изъ св. Писанія, взятыхъ кстати и некстати: иногда цѣлыя страницы сплошь пестрятъ этими цитатами (въ изд. 1665 г. они напечатаны отличнымъ отъ другихъ мѣстъ книги шрифтомъ). Частенько не обозначаются ссылки на св. Писаніе. Въ „Чудахъ “при „Казаняхъ“ на поляхъ книги читаемъ: „дѣялося тое року“ такого то (то же см. Кл. 65 г. 378; въ Кн. 59 г. этого мѣста нѣтъ).

[1]) Кн. Р. 1665 г. л. 519 об. [2]) Кн. Р. л. 519 об. [3]) л. 531 об.

проч. [1]). Изъ этой книги много брали наши южнорусскіе проповѣдники, бралъ и Галятовскій, хотя ссылокъ на эту книгу въ его „Ключѣ“ не встрѣчается [2]). Книгу Мефрета было даже поручено царемъ Михаиломъ Романовичемъ въ 1632 году перевести „на словенскій языкъ“ съ языка латинскаго кіевскому старцу извѣстному Арсенію Сатановскому[3]).

Галятовскій польвовался своими занятіями, съ современной точки зрѣнія, не вполнѣ научно. Примѣры и свидѣтельства, которыя въ изобиліи черпалъ изъ всякихъ книгъ, онъ бралъ большею частію безъ всякой критики и вообще „до наивности довѣрчивъ“, какъ выражается Костомаровъ [4]). Правда, онъ всегда старается доказать свою мысль; объ этомъ онъ говоритъ и въ „Наукѣ“ своей: все, что говорить, „якимъ колвекъ доводомъ подтверди и подопри свою мову“ [5]). Галятовскій строго придерживается своего правила и всегда старается приводить „певныи, ясныи и моцныи доводы“ [6]); но на самомъ дѣлѣ эти доводы не всегда таковы, какими ихъ аттестуетъ Галятовскій; дѣло ограничивается частью просто ссылкою на авторитетъ: „читайте у Евангелиста“ [7]) или „научаетъ того“ такой то учитель церкви [8]). Иногда для этого приводится прикладъ: „пишутъ натуралистове“ [9]) (de quo dicunt naturales у Мефрета), „пишутъ гисторикове“ [10]), „малюютъ символистове“ [11]), „повѣдаютъ геометрове“ [12]) и т. п. Въ приводимыхъ примѣрахъ и доказательствахъ Галятовскій очень часто приводитъ нѣсколько мнѣній, подъ часъ противорѣчивыхъ одно другому, мало заботясь объ ихъ внутреннемъ согласованіи. „Ангелы“ напр., читаемъ въ „Ключѣ“: „ведлугъ

---

[1]) Въ статьѣ А. Т—скаго: „Характеристика южно-русской схоластической проповѣди въ связи съ проповѣдью западно-европейскою и польскою“ („Руков. для сельск. паев.“, 1875, № 7, 8, 10) много свѣдѣній о книгѣ Мефрета. [2]) Ссылки эти есть въ „Небѣ Новомъ“, другомъ трудѣ Галятовскаго. [3]) См. Акты Ю. З. и З. Р. т. III, № 330. [4]) „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“, томъ III, часть V, стр. 356. [5]) Кн. Р. 1665 г. л. 518. [6]) Кн. Р. 1665 г., л. 1 об. [7]) л. 3. [8]) л. 3 об. [9]) л 521. [10]) л. 10 об. [11]) л. 501. [12]) л. 363.

всходнихъ учителей, сотворени суть передъ створенемъ свѣта, а веллугъ заходнихъ учителей сотворени суть на початку свѣта“ [1]). Разное толкованіе учителей церковныхъ приводится въ „Ключѣ“ довольно часто: „розмаитыи учителѣ церковныи розмаите тыи слова тлумачать“ [2]), говоритъ авторъ, передавая нѣсколько мнѣній.

Галятовскій любитъ науку, заботится, чтобы за проповѣди его назвали мудрымъ [3]). Правда, наука наша у Бога мало что значитъ. „Свѣцкая мудрость“—говоритъ Галятовскій: „Филозофія, Астрологія, Аритметика, Математика и каждая наука такая есть глупствомъ у Бога“ [4]). Мудрость, по ученію Галятовскаго, бываетъ двоякая: нестворенная албо естественная и створенная; эта послѣдняя есть „албо набытая предь працу албо вленая отъ Бога“ [5]). Мудрость, данная отъ Бога, конечно, наивысшая. Напр., монаху Герману Богородица дала „такую мудрость, же умѣлъ добре Еврейскій, Грецкій и Латинскій языкъ и нѣкто ему ровный не былъ въ науцѣ“ [6]).

Всѣ тѣ знанія, которыя находимъ въ „Ключѣ“ Галятовскаго, играютъ у него роль, конечно, только служебную: они употребляются какъ „приклады“, какъ иллюстрація къ его главной темѣ, какъ наглядное выраженіе мыслей автора. Они служили прицѣпкой для перехода къ другой мысли, служили канвой, на которой авторъ свободно рисовалъ какой угодно узоръ. Иногда, правда рѣдко, вся проповѣдь состояла въ подобномъ шитьѣ по готовой канвѣ, какъ напр., проповѣдь на Онуфрія, гдѣ разсказывается о чудесахъ свѣта и сравнивается съ ними св. Онуфрій, или проповѣдь на Іоанна Богослова, въ которой Галятовскій хвалитъ его по философскимъ предикаментамъ. Галятовскій мало заботился о томъ, подходитъ ли къ данному случаю его прикладъ, приличествуетъ ли онъ разбираемой матеріи. Изъ приведеннаго приклада Галятовскій, собственно говоря, дѣлаетъ

---

[1]) л. 239 об. [2]) л. 322; см. еще л.л. 197 об., 233 об., 234, 235, 271, 409, 410 об. и мн. др. [3]) Кн. Р. 1659 г., л. 241 об. [4]) л. 249. [5]) л. 364—364 об.; см. выше стр. 211 [6]) л.л. 322 об.—323.

не выводъ строго логическій, а просто у него рождается ассоціація по сходству или по смежности. Этимъ только и можно объяснить его подчасъ неприличныя духовной матеріи сравненія.

Приступимъ теперь къ характеристикѣ тѣхъ научныхъ знаній, которыя находимъ въ „Ключѣ разумѣнія". Іоанникій Галятовскій, какъ мы говорили, является однимъ изъ ученѣйшихъ представителей своего времени, такъ что, собственно разсматривая его знанія, мы разсматриваемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и научныя знанія XVII вѣка, преимущественно его второй половины. Знанія эти по преимуществу, какія были въ южной Руси, историческаго и естественнаго характера; знаніемъ изъ другихъ областей науки тогда интересовались меньше, такъ какъ эти другія области были въ то время еще въ зачаточномъ состояніи.

II.

Историческія знанія Галятовскаго.

Историческія знанія Галятовскаго ограничиваются, конечно, соотвѣтственно той цѣли, съ которой они брались, отдѣльными анекдотами и сверхъестественными или вообще дивными происшествіями. Больше всего Галятовскій любитъ древнюю исторію—греческую или римскую, такъ какъ она даетъ богатый матеріалъ для проповѣдника, и свѣдѣнія изъ этихъ исторій больше всего были распространены во всякаго рода сборникахъ.

Свѣдѣнія изъ *греческой исторіи* довольно обычны въ „Ключѣ". Въ казаньи въ 3-ю недѣлю великаго поста Галятовскій подробно разсказываетъ о взятіи Трои посредствомъ деревяннаго коня [1]); въ другомъ мѣстѣ разсказывается и объ Агамемнонѣ, какъ онъ „маліовалъ на торчи своей лва" [2]), тутъ же разсказано и о двухъ знаменитыхъ „малярахъ" Зевкисѣ и Парразіи [3]). Къ казаньи на Рождество Христово читаемъ объ извѣстной геройской смерти Кодра; мы приведемъ отрывокъ изъ этого разсказа, такъ онъ отличается простотой передачи и красивой, почти народной „мовой" южно-русской XVIII вѣка. „Кодрусъ, Кроль Аѳенскій—разсказываетъ Галятовскій: „γ ды хотѣлъ войну точити зъ нѣпріятелями, на той часъ боги поганскіи сказали же тое войско звѣтяжитъ, въ которомъ будетъ кроль забитый, довѣдовшися того непріятелѣ, не хотѣли забіяти Кодруса Кроля Аѳенского, жолнѣровъ его забивали, а его самого минали; щожъ учынилъ Кодрусъ, убралъся въ шаты простыи, жебы его непріятелѣ не познали, и на той часъ былъ отъ непріятелей забитый, и заразъ непріятелское войско отъ его войска было звитяжено" [4]).

[1]) Кн Р. л. 58 об. [2]) Л. 367 об. [3]) Ibidem. [4]) 78—78 об. Выводъ изъ приклада: такъ и Христосъ, когда хотѣлъ вести войну со свѣтомъ, переодѣлся, т. е. принялъ человѣческое тѣло; но міръ его не узналъ и убилъ (О Кодрѣ по Мартину Бѣльскому).

Дальше. Есть разсказъ о Фемистоклѣ, „Кролѣ Аѳенскомъ“, именно—извѣстный совѣтъ оракула о томъ, чтобы спрятаться за стѣны [1]). Объ Александрѣ Македонскомъ Галятовскій разсказываетъ сравнительно мало, хотя объ этомъ царѣ ходило довольно много всякихъ разсказовъ. Въ „Ключѣ“ читаемъ, что когда Александръ Македонскій бралъ городъ Тиръ, то одинъ солдатъ въ его войскѣ рѣзалъ хлѣбъ ножемъ и изъ разрѣзаннаго хлѣба потекла кровь; это доказывало, что Тиръ будетъ взятъ мечемъ и кровью [2]). Въ другомъ мѣстѣ подробно описывается объ устройствѣ трона Александра Македонскаго [3]).

Второе казанье на Онуфрія цѣликомъ посвящено описанію семи чудесъ свѣта и сравненію съ ними преп. Онуфрія. Чудеса эти слѣдующія. 1-е—„Муры Вавилонскіи, которыи збудовала Семѣрамисъ кролева Ассирійская“. 2-е чудо—„Пѣрамуды Егупетскіи“. 3-е—„Коліоссусъ Родійскій, столпъ мѣдяный, на 70 локтей высокій“. 4-е чудо—„Образъ Іовѣта Олумпійского, зъ костей слоніовыхъ мѣстерне учыненый“. Пятое на свѣтѣ чудо было „церковъ Ефеская, Дѣяны, богинѣ поганскои“. 6-е—домъ Цируса Кроля Медского. И наконецъ седьмое чудо „гробъ Мавзоля, Кроля Каріе, который ему Артемѣзія Кролевая жона его збудовала великимъ коштомъ“.

Свѣдѣній изъ *римской исторіи* встрѣчаемъ въ „Ключѣ“ немного больше, чѣмъ изъ греческой. Энеушъ спасаетъ отца своего Анхизеса изъ огня во время взятія Трои [4]) (выводъ: любимъ и мы Бога, отца нашего). Тутъ же разсказано, какъ два брата Клеобѣсъ и Бѣтонъ „любили матку свою, ѵ ды не было коній, они сами въ возъ запряглися и везли матку свою до божницы“ [5]) (выводъ: „любиможъ и мы матку свою церковъ святую“). Въ казаньи на страсти встрѣчаемъ описаніе смерти Цезаря. „Юлѣуша Цесаря Рымского Брутусъ Кассіушъ и иншыи сенаторове забили“,

---

[1]) Л. 411 об. [2]) Л. 153, по Квинтусу Курціусу. Выводъ: и теперь (на страсти тѣло Христово розрѣзано. [3]) Л. 427. [4]) Л. 191 об., по Клавдіану, а не Вергилію. [5]) Л. 192, по Цицерону, кн. 1.

нанссли ему „ранъ штыховыхъ двадцать и три“ [1]). Находимъ разсказы въ „Ключѣ“ о гетманахъ римскихъ—Метеллюсѣ, Сципіонѣ [2]) и др., картагенскихъ—Амплкарѣ [3]), Ганнѣбалѣ. Что касается Ганнибала, то онъ „зъ труповъ человѣческихъ оучынилъ мостъ на рѣцѣ, и презъ той мостъ проводилъ войско свое“ [4]). О Неронѣ разсказывается, что онъ „замордовалъ Петра и Павла“ [5]), золотою сѣтью ловилъ рыбу [6]), и проч. Въ казаньи 2-мъ на Страсти Христовы разсказано о взятіи Іерусалима и избіеніи евревъ Титомъ [7]). О Сеянѣ сказано, что онъ былъ славенъ, но потомъ Тиверій приказалъ отрубить ему голову [8]).

Много встрѣчаемъ разсказовъ объ императорахъ римскихъ эпохи гоненій на христіанъ.

Встрѣчаемъ разсказы и изъ описаній римскихъ обычаевъ. „Рымляне давали лявровую корону воиномъ“—читаемъ въ „Ключѣ“: „которыи добре воевали на пляцу Марсовымъ и непріятелей звѣтяжили“ [9]). Римскіе императоры ѣздили „ до Капѣтолѣумъ божници Іовѣшовои, которая была названая а Капѣте, отъ головы, божую божницу γ ды закладано, и на фундаменты землю копано, знашли тамъ капутъ, голову человѣчую“ [10]). „Между гробами римляне садили „дерева цитрисовыи“, и „цитрисовыи вѣнци“ ложили мертвымъ на голову [11]). И проч.

Миѳологическіе разскасы встрѣчаются въ „Ключѣ разумѣнія“ довольно часто. Какъ извѣстно, древняя миѳологія читалась въ Кіевской коллегіи со всѣми деталями и воспитанники хорошо ее знали. Знаетъ ее хорошо и Галятовскій и пользуется своими знаніями при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Въ казаньи на Воздвиженіе перечисляются древніе боги съ ихъ аттрибутами: Іовѣшъ—зъ перуномъ, Плютонъ зъ берломъ, Нептунъ зъ трозу-

[1]) Хуже сдѣлали евреи: они нанесли Христу 5475 ранъ. Л. 154 об., по Стрыйковскому. [2]) Л. 411. [3]) Л. 405. [4]) Л. 164, Гроссеръ о, тиранахъ. [5]) Л. 282 об. [6]) Л. 10 об. [7]) Л. 162 по Баронію. [8]) Л. 284 об. Баронiй. [9]) Кн. Р. л. 101. [10]) Л. 195, Симонъ Маіолюсъ. [11]) Л. 336 об.

бомъ, Геркулесъ зъ булавою, Марсъ зъ ощѣпомъ, Меркукуріушъ зъ палцатомъ, коло которою два ужѣ обвинулися, Аполлинъ зъ лютнею, Купидонъ зъ лукомъ и стрѣлами [1]). О Юпитерѣ разсказано, что онъ сходилъ съ неба на землю и „прохожалъся по свѣту, пригляжуючися, що люде чынятъ, чы доброе чы злое?“ [2]) О Геркулесѣ читаемъ, что онъ убилъ разбойника Какуса, который, „порвавши Геркулесово быдло, запровадилъ до яскинѣ своеи“; тогда Геркулесъ „самого Какуса забилъ булавою и быдло свое оттоль выпровадилъ“ (такъ Христосъ поступитъ и со смертью) [3]). Во 2-мъ погребовомъ казаньи Галятовскій разсказываетъ подробно объ извѣстномъ спорѣ Юноны, Венеры и Минервы изъ за яблока. Встрѣчаются еще разсказы объ Артемидѣ [4]), Язонѣ, „князѣ Артонавтарумъ“ и мн. друг.

Разсказы изъ *исторіи Византіи* довольно часто встрѣчаются въ „Ключѣ“, хотя разсказы эти отрывочны и невелики и большею частію связаны съ чудесами Богородицы [5]). Встрѣчаются разсказы о Константинѣ Копронимѣ [6]), Юліанѣ Апостатѣ [7]), о Зоѣ, женѣ греческаго царя Леона [8]), Иракліи [9]), объ убійствѣ Валенса готами [10]) о Валентиніанѣ [11]) и мн. др. Объ Іоаннѣ Комненѣ разсказано, что онъ надъ Дунаемъ разбилъ татаръ, воевавшихъ Фракію [12]) „Белѣзарію Гетману Грецкому, побѣдителю славнѣйшему“, выкололи глаза и онъ вынужденъ былъ просить милостыню [13]).

Не рѣдки также разсказы изъ всеобщей исторіи, преимущественно не позже первой половины среднихъ вѣковъ.

---

[1]) Л. 339 об.—340. [2]) Л. 78 об. [3]) 169, Вергилій, кн. 8. [4]) Л. 289. [5]) Л. 445. [6]) 248. [8]) Л. 317. [8]) Л. 320 об. [9]) Л. 257. [10]) Кл. Р. 1659, л. 138 об. [11]) Л. 114. [12]) Каз. Прид. 1660 г., чудо 41. [13]) Кл. Р. 65 г. л. 284 об., Бароній.

Такъ, въ „Ключѣ“ читаемъ о Тотилѣ, кролѣ Готскомъ [1]), Ліотаріушѣ, Цесарѣ Римскомъ [2]), о Шкандербегѣ, князѣ Албанскомъ [3]) о Кліодовеусѣ, кролѣ Французскомъ (о гербѣ его) [4]), Пелагіи, кролѣ Гишпанскомъ [5]), объ Арнольдѣ, князѣ Баварскомъ [6]) и мн. др. „Аттиля, кроль Венгерскій‘ назывался бичъ Божій и страхъ свѣта“ [7]). Кеметусъ, кроль Шоцкій, убилъ сына Фенеллы; за это послѣдняя отомстила королю тѣмъ, что подарила ему яблоко, изъ котораго вылетѣли стрѣлы, убившіе Кемета [8]). О Баязетѣ, кролѣ Турецкомъ, разсказано, что его „Тармерлянесъ, Царъ Татарскій, поймавши на войнѣ, всадилъ въ клѣтку, и всѣдаючи на коня, ступалъ ему на шыю“ [9]).

Изъ исторіи востока встрѣчаемъ также разсказы. Такъ Птоломей, кроль Египетскій, убилъ своего сына, и, отрѣзавъ ему голову, руки и ноги, замкнулъ въ шкатулкѣ и послалъ своей матери въ подарокъ [10]). И. т. п.

Разсказовъ изъ *русской истъріи* мало въ „Ключѣ“ Галятовскаго. Это и понятно: въ русской исторіи Галятовскій не находилъ того обильнаго занимательнаго матеріала, который имѣлся въ исторіи древней. Да и источниковъ для знанія этой исторіи тогда было мало; „Синопсись“ Иннокентія Гизеля вышелъ гораздо позже „Ключа“—въ 1676 году, такъ что свои свѣдѣнія по русской исторіи онъ черпаетъ изъ Патерика и Стрыйковскаго.

Въ казаньи на Обрѣзаніе Господне Галятовскій объясняетъ имена славянъ и руссовъ. „Словяне албо Славяне“, говоритъ авторъ: „названи отъ славы, же собѣ великую славу на свѣтѣ воюючи учынили“ [11]). Что касается слова Русь, то оно происходитъ отъ Роса князя, иншыи мовятъ отъ Россѣяня, жеся народъ русскій широко на свѣтѣ россѣялъ“ [12]).

---

[1]) Л. 328. [2]) Л. 261 об. [3]) Л. 411, по М. Бѣльскому. [4]) Л 491 об. [5]) Л. 264 об. [6]) Л. 247 об. [7]) Л. 295. [8]) 426, по Кардану. [9]) Л. 285, по Стрыйковскому. [10]) Л. 163 об. [11]) Л. 95 об. [12]) Ibidem.

Въ казаньи на Благовѣщеніе находимъ сказаніе объ Оскольдѣ и Дирѣ, князьяхъ русскихъ, „которыи были еще предъ крещеніемъ народу Руского", именно объ ихъ походѣ на Царьградъ и о спасеніи Дѣвы и Маріи этого города: патріархъ одежду Богородицы „вмочилъ въ море" и „заразъся море збурило" и потопило всѣхъ, исключая Аскольда и Дира [1]). Въ другомъ казаньи, 2-мъ на Іоанна, находимъ разсказъ о князѣ Святославѣ; когда этотъ князь, „збуривщи Грецкое панство", возвращался домой, на него напалъ печенѣжскій князь Куресъ, разбилъ его войско, убилъ самого Святослава, съ черепа котораго онъ сдѣлалъ себѣ чашу съ надписью: „чужого шукаючи свое утратилъ" [2]).

Въ казаньи на прор. Илію разсказывается о добрыхъ дѣлахъ, которыя творилъ „Володимеръ, монарха рускій [3]). О трехъ князьяхъ русскихъ -Изяславѣ, Святославѣ и Всеволодѣ—читаемъ, что они, идя на войну противъ Половцевъ, зашли къ препод. Антонію Печерскому и тотъ предсказалъ имъ пораженіе [4]). Дѣйствительно, князья эти были поражены Половцами „надъ рѣкою Алта названою" [5]).

Во второй проповѣди на Преображеніе разсказывается о смерти „Олеха" древлянскаго. Когда Олегъ, побѣжденный, убѣгалъ отъ непріятеля къ одному замку черезъ большой мостъ, „на той часъ и иншіи люде утекаючи и тиснучися зопхнули его зъ мосту и сами падаючи его прибили и удушили" [6]).

Вотъ и все, что находимъ въ „Ключѣ Разумѣнія" изъ русской исторіи. Изъ исторіи Польши находимъ и того меньше. Названіе Поляковъ происходитъ „отъ поля, же въ полѣ воюютъ" [7]). „Зрадивъ свѣтъ Ліешка"—читаемъ въ другомъ мѣстѣ: „поднеслъ на кролевство Полское, потымъ его конми разволочено" [8]). Въ казаньи на Онуфрія Галя-

---

[1]) Л. 319 об.—320. То же „Небо Новое" 1665 г. л. 18 ч. 3. [2]) Л. 426 об. 427, по Стрыйковскому. [3]) Л. 398. [4]) Л. 110, Патерикъ. [5]) Каз. Прид., 1660 г., Чудо 61. [6]) Кл. 1659 г., л. 138 об.; въ Кл. 1665 г. Нѣтъ въ этомъ мѣстѣ. [7]) Кл. Р. 65 г. л. 95 об. [8]) Л. 426 об., Март. Бѣльскій.

товскій разсказываетъ, что Пястъ, „покинувши кола робити руками своими, почалъ пѣстовати сцептрумъ Кролевства Полского“ [1]), точно также какъ и Премыслъ, „взятый отъ плуга и посаженый на маестатѣ кролевства Ческого“ [2]).

Изъ историческихъ разсказовъ отмѣтимъ еще разсказъ о Витольдѣ, князѣ Литовскомъ, который, „у винувши человѣка живого въ скуру медвежую, казалъ вкинути межи псы, жебы его разшарпали“.[3])

Чтобы закончить обзоръ историческихъ знаній Галятовскаго въ его „Ключѣ разумѣнія“, укажемъ еще, что въ этой книгѣ крайне рѣдко встрѣчаются проповѣди, посвященныя выясненію какого-нибудь событія изъ церковной исторіи. Знанія по церковной исторіи ограничиваются только мелкими фактами. Церковная исторія, какъ извѣстно, слабо преподавалась въ Кіевской школѣ, что не могло не отразиться и на „Ключѣ“ Галятовскаго.

Историческія знанія Галятовскаго такимъ образомъ ограничиваются въ большинствѣ случаевъ приведеніемъ историческихъ анекдотовъ и сверхъестественныхъ происшествій. Галятовскому эти данныя важны только какъ приклады, какъ иллюстрація проповѣди, поэтому понятно, что выбираетъ себѣ то, что больше всего подходитъ къ его цѣли. Имѣлся въ виду, конечно, и избалованный слушатель, котораго нужно было заинтересовать, разсказывая ему „новую речъ“, которую онъ „не видалъ и не чувалъ“.

Источники историческихъ знаній Галятовскаго не особенно широки. Это прежде всего, конечно, Бароній; послѣ него—Мартынъ Бѣльскій, изъ котораго Галятовскій также бралъ не мало. Не рѣдко встрѣчается и польскій историкъ

[1]) Л. 465. [2]) Л. 465. [3]) Л. 164.

Стрыйковскій. Встрѣчаются въ „Ключѣ“ Гроссеръ („о тиранахъ“), Карданъ: („о розмаитыхъ речахъ“), Клавдіанъ, Діодоръ, Симонъ Майолюсъ, Курціусъ и проч. Изъ римскихъ писателей встрѣчаемъ Цицерона, Овидія [1]).

---

[1]) Метаморфозы Овидія во всѣхъ трехъ изданіяхъ Ключа (см. Кл. 1659 г. л. 6 об., 1663 г.—л. 6, 1665 г.—л. 78 об.) названы метафомозы.

III.

Естественно-научныя знанія Галятовскаго.

1.

Знаній по естественнымъ наукамъ находимъ въ „Ключѣ Разумѣнія“ гораздо больше, чѣмъ по исторіи. И тутъ Галятовскій пользуется своими зняніями только какъ прикладами, для каковой цѣли онъ, конечно, беретъ все болѣе чудесное и разительное, особенно изъ области ботаники, зоологіи и минералогіи.

Изъ знаній естественно-научныхъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить *знанія астрономическія* или, правильнѣе, астрологическія. Астрологія была распространенной наукой какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ въ Южной Руси. Поэтому то и свѣдѣній этихъ въ „Ключѣ“ находится довольно много.

На первомъ мѣстѣ нужно поставить средневѣковое ученіе о небѣ. Небо держится „на двохъ завѣсахъ албо пунктахъ“, которые называются Поли; одинъ изъ нихъ „Арктикосъ, полуночный, который показывается надъ нами и завше его видаемо“, другой—„Антарктикосъ, полудневый, который подъ нами знайдуеться, и нѣгды его не видаемо“...[1]) На этихъ двухъ завѣсахъ „неба обертаютъся докола и завше въ порушеню знайдуються“. Что касается этого движенія, то „небо обертаетъся противными оботами, бо небо названое першое рушаючееся тягнетъ на заходъ“. Тутъ находимъ правильное мнѣніе о движеніи звѣздъ съ востока на западъ. Только „въ остатній день“ эти неба „перестанутъ обертатися“ [2]).

Въ казаньи 2-мъ на Благовѣщеніе находимъ описаніе одиннадцати небъ [3]), описаніе, источникомъ для котораго является книга Гроссера о планетахъ.

---

[1]) Кл. Р. л. 268; въ Кл. Р. 1659 г. этого мѣста нѣтъ. [2]) Л. 268 об.; въ Кл. 59 г. нѣтъ. [3]) Л. 396 об.

Первое небо—„найнижшое“, „повѣтрнее“ [1]) на немъ находится мѣсяцъ. *Второе* небо, на которомъ расположена планета Меркуріушъ; кто родится подъ этой планетой, тѣ „мѣваютъ піенкную вымову, бываютъ ораторами и красомовцами знаменитыми“ [2]). На *третьемъ* небѣ расположена планета Венусъ; родившіеся подъ нею бываютъ „охочими до милосердныхъ учынковъ“ [3]). На *четвертомъ* небѣ нахо дится солнце, отъ котораго люде берутъ свои „смыслы“, т. е. чувства: „винѣніе, слышаніе, обоняніе, смакованіе и доткнене“ [4]). Марсъ находится на *пятомъ* небѣ, даетъ людямъ храбрость и побѣду [5]). *Шестое* небо то, на которомъ расположенъ „Юпитеръ; кто родится подъ этой планетой, бывaетъ „сильнымъ, дужымъ и моцнымъ“ [6]). На *седьмомъ* небѣ Сатурнъ, дѣлающій людей „розумными, мудрыми и ростропными“ [7]). *Восьмое* небо—Твердь, на немъ находятся звѣзды [8]); впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ это небо названо вторымъ, фирмаментовымъ, до котораго „стягаются иншіи всѣ неба“ [9]). *Девятое* небо—„Кришталовое“, названное такъ вслѣдствіе своей прозрачности [10]). *Десятое* небо—„першое рушаючееся“, такъ какъ оно „найперше рушается, обертается, и иншіи неба потягаетъ, жеся посполу зъ нимъ рушаютъ и до кола обертаютъ“ (Іоаннъ Меринъ) [11]). И наконецъ послѣднее небо, *одиннадцатое*, наивысшее, Емпирейское, которое служитъ „маестатомъ“ Божіимъ [12]); на немъ живутъ Богъ, ангелы и души святыхъ [13]).

О планетахъ Галятовскій говоритъ, что они „сутъ звѣзды нестатечные, нестатечне бѣгъ свой отправуютъ, часомъ близко до себе приходятъ, часомъ далеко отъ себе отходятъ“ [14]) Звѣзъ въ казаньи на Успеніе Галятовскій насчитываетъ двѣнадцать. *Первая* звѣздп—фосфоръ, Денница, показывается тогда, когда ночь уступаетъ, а день поступаетъ“. *Вторая* звѣзда Гесперусъ, зоря вечерняя. *Третья*—

[1]) Л.л. 326—330 об. [2]) Л. 326 об. [3]) 327. [4]) Л. 327 об. [5]) Ibidem. [6]) Л. 328. [7]) Л. 328 об. [8]) Л. 396 об. [9]) 329 об. [10]) Л. 329. [11]) Л. 330. [12]) Л. 330 об. [13]) Л. 396 об.; объ эмпир. небѣ см. еще л.л. 194, 238, 240 об., 248. [14]) Л. 367.

Арктосъ, Возъ небесный, на сторонѣ полночной, которая „зимная, маетъ въ собѣ вѣтеръ, снѣги, морозы". Оріонъ или Коса — звѣзда *четвертая*, на сторонѣ полудневой. *Пятая* звѣзда — Офіухусъ, ужа держачій (въ „Ключѣ" 1665 г. добавлено: „Геркулесъ убилъ ужа и названъ ужа держачій"). *Шестая*—Нодусъ, Целе́стисъ, Узолъ небесный"; *седьмая*—Схибболеевъ, Колосъ—„даетъ людямъ збожа для ихъ поживленя"; *восьмая*—Лютня, Хе́лисъ—„значитъ згоду". *Дѣвятая* звѣзда — Комета, Мѣтла, „презначаетъ отмѣну и упадокъ якого Панства албо Кролевства", Амалтеа—звѣзда *десятая*; это была женщина, которая „Іовѣша, бога поганского млекомъ кормила" (И Пречистая Дѣва кормила млекомъ Христа..). *Одиннадцатая* звѣзда — Кассіопеа, и наконецъ *двѣнадцатая* — Андромеде; эта послѣдняя „была панна даная на пожартье Веліорыбовѣ морскому, которую Пе́рсеусъ вызволилъ отъ смерти и забилъ веліорыба".

О солнцѣ въ „Ключѣ" читаемъ, что оно „маетъ такую моцъ, же справуетъ въ землѣ золото, сребро, цѣнь, мѣдь, желѣзо, олово и иншыи крушцы (металлы), бо тепло со̀лнечное проходитъ черезъ поры земныи и въ внутренностяхъ зе́мныхъ крушци металлъ справуетъ" [1]). Иногда солнце „два образы свои выражаетъ, въ двохъ оболокахъ воднистыхъ, отъ пойзреня нашего презрочистыхъ, а зъ тылу своего темныхъ", такъ что тогда „видаемо тры солнца, едно̀ на небѣ, двѣ на двохъ оболокахъ воднистыхъ" [2]). (Это примѣръ Триипостаснаго Бога).

Въ казаньи 2-мъ на Апостола Петра и Павла находимъ правильное описаніе (по Корнелію а-Ляпиде) затменія солнца. „Гды мѣсяцъ сближается до солнца", говоритъ Галятовскій: „и подъ него подыйдетъ, такъ же станетъ межы солнцемъ и землею, на той часъ солнце тмится, бо мѣсяць подышовши подъ солнце, не допущаетъ промѣнямъ солнечнымъ землю освѣтити, и для того на земли темности знайдуютъся" [3]).

---

[1]) Л. 238. [2]) Л. 213 об.—214; въ Ключѣ 59 г. нѣт. [3]) Л. 388.

Мѣсяцъ, играющій въ духовной жизни народа довольно видную роль, подробно описанъ Галятовскимъ. Онъ имѣетъ на себѣ „макулы нѣякіи“ [1]). Свѣтитъ онъ не своимъ свѣтомъ, но „беретъ ясность свою отъ солнца“ [2]). Мѣсяцъ мѣняется, онъ „отмѣнный и нестатечный, часомъ вповнѣ, часомъ его половица, а часомъ невидати [3]). Въ жизни человѣка мѣсяцъ играетъ громадную роль, онъ „часомъ спріяетъ человѣкови“, иногда „въ нѣвечъ обертаетъ“ [4]); поэтому то съ нимъ связаны всякія народныя примѣты, нѣкоторыя изъ которыхъ находимъ въ „Ключѣ“ [5]). Мѣсяцъ „тое справуетъ, же человѣкъ ростетъ, изъ дитины малои стаетъся человѣкомъ великимъ“ [6]).

О затменіи луны, какъ и о затменіи солнца разсказано правильно (тоже по Корнелію а Ляпиде). „Мѣсяцъ тмится“, читаемъ въ Ключѣ: „Гды земля станетъ межы мѣсяцемъ и солнцемъ, бо отъ землѣ тѣнь походитъ и мѣсяць затемняетъ, а променѣ солнечныи для землѣ не могутъ прійти до мѣсяца и его освѣтити“ [7]). Интересенъ выводъ, который дѣлаетъ изъ этого Галятовскій, такъ какъ выводъ этотъ вполнѣ характеризуетъ цѣль и назначеніе научныхъ данныхъ „Ключа“. Сонце—апостолъ Петръ, мѣсяцъ—апостолъ Павелъ; когда Неронъ сталъ между ап. Петромъ (сонце) и Павломъ (мѣсяцъ), то Павелъ умеръ (мѣсяцъ затмился).

Великое открытіе Коперника не усвоено еще было во времена изданія „Ключа Разумѣнія“. Земля, по ученію Галятовскаго, „нерушается“, она стоитъ „недвижима“ [8]). Въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка, какъ извѣстно, Епифаніемъ Славинецкимъ, монахомъ Исаіею и Арсеніемъ Сатановскимъ былъ сдѣланъ переводъ космографіи, въ которой были объяснены системы Птоломея и Коперника, но на сторону этихъ системъ переводчики открыто не стали.

Въ казаньи на св. Николая Галятовскій разсказываетъ о вѣтрахъ, именно „якъся вѣтры родятъ и отколь походятъ?“.

---

[1]) Л. 251 об. [2]) Л. 171 об. [3]) Л. 252. [4]) Ibidem. [5]) См. объ этомъ ниже, стр. 00. [6]) Л. 326. [7]) Л. 338 об. [8]) Л. 366.

Онъ приводитъ тутъ нѣсколько различныхъ мнѣній, ибо по этому вопросу „розмаитые люде розмаите розумѣютъ“. Одни говорятъ, что вѣтеръ происходитъ изъ земли, „гды една часть повѣтря въ яскини подземныи заходитъ, а другая часть повѣтря зъ яскинь подземныхъ выходитъ, на той часъ тыи двѣ части повѣтря рушаются и зъ собою спираютъся, и зъ того порушеня стаетъся вѣтеръ“ [1]).

Другіе говорятъ, что вѣтры происходятъ съ моря, „гды отнóга [2]) морская полудневая зъ отногою морскою полунощною зыйдутъся на всходѣ, на той часъ рушаютъся и зъ собою спираютъся, и зъ того порушéня морского стаетъся вѣтеръ [3]).

Иные говорятъ, что вѣтры происходятъ съ облака, потому что когда облака „рушаютъся и ходятъ на повѣтру, на той часъ порушáютъ повѣтре и зъ того порушеня стаѣтъся вѣтеръ“ [4]).

Что касается астрологовъ, то они учатъ, что вѣтеръ, происходитъ отъ планетъ, которыя „розмаитымъ своимъ порушеньемъ и розмаитыми обротами розмаиты и вѣтры справуютъ“ [5]). Но теологіи думаютъ иначе; они „повѣдаютъ, же вѣтеръ Ангелы справуютъ“ [6]).

Вѣтеръ мѣняется, онъ „бываетъ нестатечный, часомъ теплый, часомъ зимный“ [7]). Вѣтромъ объясняются землетрясенія. „Вѣтеръ маетъ такую моцъ“, говоритъ Галятовскій (по ученію Сенеки и Арист.) въ казаньи на Сошествіе Св. Духа: же трясетъ землею; гды зайдетъ вѣтеръ въ яскинѣ (пещера, вертепъ) и въ печери земныи, а потымъ хочетъ выйти и не знайдетъ мѣстца, которымъ бы моглъ зъ яскинь подземныхъ выйти на верхъ, на той часъ вѣтеръ ходитъ зъ великимъ импетомъ въ печерахъ земныхъ, шукаючи мѣстца, который бы моглъ зъ землѣ на верхъ выйти, и отъ того вѣтреного импету и порушéня земля рушаетъся и трясетъся“ [8]).

---

[1]) Л. 366. [2]) Отнóга—горный отрогъ; см. „Словарь церк.-слав. и русск. яз.“ Академія Наукъ, томъ III, СПБ. 1867. [3]) Л. 366 об. [4]) Ibidem. [5]) Л. 367. [6]) Л.л. 367—367 об. [7]) Л. 284 об. [8]) Л. 206.

Въ томъ же казаньи на Сошествіе Св. Духа Галятовскій правильно разсказываетъ о происхожденіи дождя, града и снѣга. Дождь происходитъ такимъ образомъ, что „пара вѣлготная, котрая выходитъ зъ воды, подноситься на повѣтре, и тамъ въ оболокъ вѣлготный и воднистый обертаетъся... Потымъ той оболокъ въ дожчъ обертаетъся и на землю спадаетъ“ [1]).

Въ облакахъ же родится и градъ. „Гды краплѣ дожчовыи въ оболоку зимномъ змерзнутъ, на той часъ въ градъ обертаютъся“ и на землю падаютъ [2]).

Тамъ же родится и снѣгъ: „гды пара вѣлготная и зимная на повѣтре поднесетъся, и стаетъ оболокомъ, на той часъ оболокъ вѣлготный и зимный отъ зимна великого мерзнетъ и бѣлѣетъ и въ снѣгъ обертаетъся, потымъ снѣгъ съ оболока на землю спадаетъ“ [3]).

Въ томъ же казаньи на Сошествіе Св. Духа Галяровскій разсказываетъ (по Плинію и Сенекѣ) о происхожденіи молніи, грома и перуновъ. Когда „сухую и теплую пару вѣлготный и зимный въколо оболокъ оточитъ, на той часъ пара сухая, шукаючи мѣстца, которымъ бы могла выйти зъ оболока собѣ противного, стираетъся зъ оболокомъ, и справуетъ громы“ [4]). Когда эта пара сухая загорается, то происходитъ молнія. „На остатокъ таяжъ пара сухая, гды запаливщися на землю зъ оболока выпадаетъ, на той часъ перуномъ стаетъся“ [5]). Что касается перуна, то о немъ Галятовскій говоритъ, что онъ „маетъ такую моцъ, же проходитъ черезъ тѣло и кости въ человѣку крушитъ, не нарушивши тѣла“ [6]). Точно такое же повѣрье о „стрілах громових“ встрѣчается повсемѣстно по Украинѣ и теперь.

Въ казаньи 2-мъ на Сошествіе Св. Духа Галятовскій разсказываетъ о радугѣ. „Дуга, которая показуетъся на

---

[1]) Л. 202 об. [2]) Л. 202 об., Плиній; въ Кл. 1659 г. нѣтъ. [3]) Л. 203, по Карол: де Раконѣ; въ „Ключѣ“ 1659 г. нѣтъ. [4]) Л. 203 об. [5]) Л. 203 об., въ Кл. Р. 1659 г. вмѣсто пара сухая—экзгаляція. [6]) Л. 238—238 об.

оболокахъ, маетъ въ собѣ три фарбы,— синюю, зеленую и червоную" (такъ Богъ маетъ въ собѣ три Персоны). Фарбы эти не настоящія, „але здаются тылко быти фарбами, бо дуга естъ оболокъ воднистый, отъ пойзреня нашего презрочистый, а зъ тылу своего темный, и маетъ въ собѣ розное роспоряженье, тамъ естъ густый, тамъ рѣдкій, тамъ еще рѣдшій"; и вотъ вслѣдствіе этого „розного роспоряженя маетъ въ собѣ фарбу розную, троякую, еднакъ не правдивую, отъ свѣтлости солнечнои, которая его осѣняетъ" [1]).

Наконецъ, въ казаньи на препод. Феодосія Печерскаго Галятовскій разсказываетъ (по Гексамерону Василія Великаго) о морской водѣ. „Въ морѣ вода горкая и солоная, для того же море нерушаетъся, стоитъ спокойне, въ рѣкахъ зась и на иншыхъ мѣстцахъ вода солодкая, для того же идетъ и рушаетъся". Морская вода проходитъ черезъ поры земныя и въ землѣ оставляетъ свою горечь и выходитъ сладкой въ источникахъ [2]).

Таковы знанія Галятовскаго по астрономіи, правильнѣе астрологіи. Въ то время, когда писалъ Галятовскій, Западъ зналъ уже Коперника, Галилея и Ньютона, но ихъ ученія не дошли еще до южной Руси, этихъ ученыхъ знали только по имени, ученія же ихъ не понимали и не раздѣляли. И тѣ астрономическія знанія, которыя находимъ въ „Ключѣ Разумѣнія"—знанія старыя, въ Европѣ уже отжившія, но нашедшія себѣ уютный уголокъ въ Польшѣ и южной Руси, никакъ не поспѣвавшими за Западомъ; знанія эти почерпнуты изъ Плинія, Сенеки, Шестоднева, Корнелія а Ляпиде, Карол. де Ракони и проч. древнихъ и средневѣковыхъ писателей. Понятно, что тутъ наряду съ правильными данными находимъ довольно и ложнаго, мистическаго. Данныя эти, очевидно отъ ученыхъ, широко разошлись по южной Россіи и мы и теперь ихъ находимъ тутъ въ видѣ народныхъ сказаній и повѣрій.

---

[1]) Л. 214 об. [2]) „Каз. приданый" 1660 г., л. 123.

2.

Зоологическія знанія Галятовскаго—„о звѣрохъ, птахахъ, гадахъ, рыбахъ“ [1]) отличаются тѣмъ же характеромъ, что и раньше разсмотрѣнныя: Галятовскій разсказываетъ о существахъ полусказочныхъ, разсказываетъ о нихъ дивныя вещи.

„*Гиппокентаврѣ*“, говоритъ Галятовскій: „до пояса подобный есть человѣкови, и руки маетъ, далѣей подобный есть коневи, и четыри ноги конскіи маетъ“ [2]). „Жили эти гиппокентаври въ Вавилонѣ, гдѣ жили и другіе „звѣры дикіи“ — сирены, ѣжéве [3]) Хамелеонъ измѣнчивый, онъ „розныи на себе фарбы беретъ“ [4]).

Во 2-мъ погребовомъ казаньи находимъ разсказъ о звѣряхъ ценоцефа̀люсѣ, о́риксѣ и слонѣ. „*Ценоцефалюсъ*— звѣря, гды солнце восходитъ, щось мручитъ, лапы зложивши, яко бы Богу молитъся“. Что касается *орикса*, то онъ „отъ покарму и напою простягаетъся, презъ цѣлый мѣсяцъ поститъ“. *Слонъ* же „звѣрь щодробливый, иншымъ звѣря томъ покарму своего удѣляетъ“ [5]).

Въ казаньи на Воскресеніе Галятовскій повѣствуетъ (по Плинію) объ *ихневмонѣ*; когда крокодилъ пожретъ ихневмона, „звѣрятко малое“, живущее въ Египтѣ, тогда послѣдній „ѣстъ и шарпаетъ внутренности крокодиловы и тѣмъ его уморяетъ, потымъ зъ него живый выходитъ“ [6]) („такъ и смерть пожерла была Христа... але Христосъ самую смерть уморилъ и самъ всталъ зъ мертвыхъ“ [7]).

Въ другомъ мѣстѣ о *львѣ* говорится, что онъ „тры дни и тры ночи спитъ, потымъ очутится [8]) (такъ и Христосъ возсталъ изъ мертвыхъ на третій день). Объ *оленѣ* сказано, что онъ боязливый, а прудкій“ [9]).

Птицы, о которыхъ говоритъ Галятовскій, также въ большинствѣ случаевъ сказочныя. Во 2-мъ казаньи на

[1]) Кл. Р., л. 519 об., Наука. [2]) Л. 339 об.; въ „Ключѣ“ 1659 г. этого мѣста нѣтъ. [3]) Л. 135 об., Исаіа 13. [4]) Л. 521. [5]) Л. 491. [6]) Л. 170—170 об., [7]) Ibidem. [8]) Л. 177 об., 196. [9]) Л. 466 об.

Покровъ находимъ много разсказовъ о чудесныхъ птицахъ—грифѣ, ботянѣ, моноподіатѣ, алціонѣ, порферіонѣ, харадріи. „*Грыфъ*“, говоритъ Галятовскій: „маетъ въ собѣ двоякую натуру, съпереду подобный естъ орлови, а сътылу подобный лвови“ [1]) (такъ и Дива Марія имѣетъ двоякую натуру: материнскую и дѣвическую...). „*Бо́тяны*“, читаемъ далѣе: „освѣдчаютъ вдячность родичомъ своимъ, гды родичи ихъ зъстарѣютъся, на той часъ родичевъ своихъ они кормятъ“ [2]). *Моноподіата* никогда не садится на землѣ, но всегда летаетъ по воздуху, такъ у него нѣтъ ногъ, „тылко сутъ двѣ жылцѣ на хребтѣ“, которыми онъ хватается за дерево и „отпочиваетъ“ [3]). *Алціонъ* строитъ гнѣздо себѣ на морѣ и „въ томъ гнѣздѣ сидячи и плаваючи, дѣти свои выводитъ“, однако „море его не затопитъ и нѣчого ему не шкодитъ“ [4]).

Что касается *порферіона*, водящагося въ Египтѣ, то онъ „ся кохаетъ въ чистости“, и люди держатъ его въ домахъ, „а гды въ якомъ дому попелненый будетъ грѣхъ нечистый, вшетеченство албо чужоложство, южъ той птахъ ничого не ѣстъ и умираетъ“ [5]). Такимъ же баснословнымъ характеромъ отличается и *харадрій*, который узнаетъ—умретъ ли больной или выздоровѣетъ: если больной выздоровѣетъ, харадрій „глядитъ на него весело“, а если больной „маетъ умерти“—„отворачиваетъ очи свои отъ него“ [6]).

Въ другомъ мѣстѣ—въ казаньи на Преображеніе—находимъ разсказъ о пеликанѣ. „*Неясытъ* иначей *пеликанъ*“, живущій „на пущы египецкой“, когда съѣстъ своихъ дѣтей, то носомъ до крови рветъ свою грудь, и кровью „дѣти свои покропляетъ и оживляетъ“ [7]) (такъ и дѣтей Христовыхъ, „позаѣданыхъ“ дьяволомъ, Богъ оживляетъ). О фениксѣ Галятовскій говоритъ, что онъ „умерши, знову встаетъ зъ мертвыхъ“ [8]).

---

[1]) Л. 291 об. [2]) Л. 293, по Гексамерону. [3]) Л. 295 об., Ботеръ. [4]) Л. 296, Еліанусъ о звѣрятахъ. [5]) Л. 297, по Еліанусъ о звѣрятахъ. [6]) Л. 297 об., Альбертусъ о звѣрахъ. [7]) Л. 131. [8]) Л. 293 об., Августинъ; Л. 506 об.

Кромѣ этихъ сказочныхъ птаховъ, въ „Ключѣ Разумѣнія“ находимъ и обыкновенныхъ мѣстныхъ птицъ: воробья, ворону, лебедя, журавля, голубя, ласточку, орла. *Воробей* „высòко собѣ гнѣздо чинитъ на даху и тамъ мешкаетъ“ [1]). („Презъ воробя значится Вознесеніе“, такъ какъ и Христосъ „высоко вступилъ зъ зємлѣ ажъ до неба Емпирейского...“). О *воронѣ* говорится, что онъ ночью вылетаетъ изъ своего гнѣзда и „по свѣту лѣтаетъ“ [2]) (воронъ означаетъ Христа, такъ какъ и онъ о полночи восталъ изъ мертвыхъ). *Лебедь* передъ смертью своею „жалостно спѣваетъ“ [3]). О *журавляхъ* Галятовскій разсказываетъ (по Плинію), что они „чулыи, гды спятъ, единъ межы ними сторожу отправуетъ, стоитъ на едной нозѣ, а въ другой держитъ камѣнь, который гды впуститъ, на той часъ заразъ очутится“ [4]) (выводъ: „чулая была и Пресвятая Дѣва“ и т. д.). *Голубь* означаетъ покой [5]). „*Ластовки*“, говоритъ Галятовскій (по Плинію): „знашли зѣлье названое хелѣдонѣя, и тымъ зѣльемъ дѣтемъ своимъ слѣпымъ очи отворяютъ и уздоровляютъ“ [6]). Объ *орлѣ* только и сказано, что онъ высоко летаетъ [7]); дабы ужъ не влѣз в гнѣздо и не съѣл дѣтей его, орел приносит в него камень гагарокъ [8]).

Хотя Галятовскій въ своей „Наукѣ“ совѣтуетъ проповѣднику читать книги о рыбахъ [9]), однако въ „Ключѣ“ его почти ничего о нихъ не находимъ. Находимъ только нѣсколько строкъ о „*веліорыбахъ*“: они „маютъ на собѣ пюра“, которыя высоко „подносякъ“, когда хотятъ плавать; кромѣ этого они имѣютъ на себѣ „ласку твердую“ [10]). По книгѣ Симона Майолюса: „о рыбахъ мо́рскихъ“ Галятовскій упоминаетъ о *дельфинахъ*, рыбахъ морскихъ [11]), и о рыбахъ морскихъ *рогатыхъ* [12]).

О „гадахъ“, насѣкомых и проч.—въ „Ключѣ“ почти ничего не находимъ. Въ одномъ мѣстѣ [13]) Галятовскій говоритъ, что „едва́бъ“ (шелкъ) робитъ роба́къ (червякъ).

---

[1]) Л. 131 об. [2]) Л. 131 об. [3]) Л. 292. [4]) Л. 292 об., [5]) Л. 294. [6]) Л. 295. [7]) Л. 196. [8]) Л. 129; см. ниже л. 395. [9]) Л. 519 об. [10]) Л. 116 об. [11]) Л. 11 об. [12]) Л. 12. [13]) Л. 247 об.

Вотъ это и все, что находимъ в „Ключѣ“ изъ области зоологіи. Все оно, какъ видимъ, отзывается фантастичностью, чудесностью, и, очевидно, вполнѣ отвѣчало той цѣли, съ которой приводилъ ее въ проповѣдяхъ Галятовскій: удивить слушателя. Черпалъ свои зоологическія знанія авторъ „Ключа“ изъ книгъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей: Плинія, Шестоднева Василія Великаго (Гексамерона), изъ Августина, Еліануса („о звѣрятахъ“), Альберта („о звѣрахъ“), Ботера, Симона Майолюса („О рыбахъ морскихъ“) и проч.

3.

Довольно много у Галятовскаго и изъ другой, любимой въ средніе вѣка области—*минералогіи*. Галятовскій любитъ пользоваться примѣрами этой науки, такъ какъ они давали ему довольно обильнаго фантастическаго матеріала; даже цѣлое казанье, 2-е на Срѣтеніе, Галятовскій построилъ на сравненіи камней и Христа, именно—какимъ камнемъ можетъ быть Христосъ.

Въ этой проповѣди Галятовскій разсказываетъ о многихъ камняхъ, приписывая имъ чудодѣйственныя силы. *Карбункулъ* свѣтитъ какъ огонь ночью и въ темнотѣ,[1]) онъ же „боронитъ людей отъ повѣтра, которыи его при себѣ маютъ“[2]). *Ясписъ* „отганяетъ“ ядъ[3]) и „застановляетъ“ кровь[4]). *Шафиръ*, „дорогій камень“ („небо новое“ 1665 г. л. 78 чудо 45),взрокъ выясняетъ[5]). *Хризолитъ* „отганяетъ мелянхолѣю, фрасунокъ“, и дѣлаетъ того веселымъ, кто его при себѣ имѣетъ[6]). *Бериллюсъ* дѣлаетъ военнаго человѣка, имѣющаго его при себѣ, смѣлымъ, „же смѣле и безпечне зъ непріятелями ся потыкаетъ, и бы намнѣйся ихъ нелякаетъ“[7]). *Гагаатонъ* охраняетъ отъ ужа, „бо его ужъ боится и утѣкаетъ отъ него“[8]). *Аметистъ* употребляется противъ пьянства, и кто его при себѣ имѣетъ, „не латво можетъ упитися“[9]). *Шмарагдъ* любитъ „чистость“, и „которая Панна

---

[1]) Л. 127; источника не обозн. [2]) Л. 127 об. [3]) Ibidem. [4]) Л. 128. [5]) Л. 128. [6]) Л. 128. [7]) Л. 128 об. [8]) Л. 129. [9]) Л. 129 об.

при собѣ шмарагдъ носитъ, поки есть Панною, шмарагдъ застаетъ въ цѣлости, а скоро Панѣнство утратитъ, зразъ шмарагдъ зпамлеться на двое"[1]). Этотъ же камень первосвященникъ носилъ на раменахъ своихъ[2]). *Топазіонъ* обозначаетъ отмѣну щастья человѣческаго, потому что когда человѣкъ смотритъ на этотъ камень, онъ показываетъ его „до горы ногами стоячого"[3]). Наконецъ *магнесъ* обладаетъ притягательною силою-тянетъ къ себѣ желѣзо, такъ что имъ можно вынуть изъ человѣка застрявшую въ немъ пулю или стрѣлу изъ желѣза, (такъ и Христосъ тянетъ къ себѣ грѣшныхъ)[4]).

Въ другихъ мѣстахъ „Ключа" находимъ еще описанія нѣкоторыхъ камней. *Кришталь* отличается прозрачностью, онъ „запаляетъ порохъ, належачій до стреляння"[5]). Въ городѣ Лузитанскомъ Сантаренѣ находится „дивный кришталь", который набожнымъ людямъ показываетъ Христа „въ розмаитыхъ лѣтехъ и въ розмаитомъ кшталтѣ, часомъ якъ дитятко малое, часомъ въ дванадцяти, часомъ въ трыдцяти лѣтехъ, часомъ на крестѣ распятаго, часомъ яко судію строгого"[6]). Что касается *Гіацинта*, то „повѣдаетъ Симмахъ", что онъ „конфирмуетъся небу, гды небо ясное и онъ ясный, гды небо хмурое, и онъ хмурый"[7]). Объ *оловѣ* сказано, что оно „поволное, латвося можетъ схилити", а *Діяментъ* „твердый, не можетъ его нѣ желѣзо, нѣ огонь скрушити"[8]) (олово—человѣческая наутра въ Христѣ, діаментъ—божеская).

Источниковъ, откуда бралъ Голятовскій свои примѣры изъ минералогіи, онъ не указываетъ.

4.

Прикладовъ изъ *ботаники* у Галятовскаго очень мало, хотя въ своей „наукѣ" онъ и даетъ совѣтъ проповѣднику читать книги о „деревахъ, зѣлахъ"[9]).

---

[1]) Л. 130. [2]) Л. 109 об. [3]) Л. 130 об. [4]) Л. 131 об. [5]) Л. 329 об. [6]) Л. 330. [7]) Каз. Прид. 1660 г., л. 112 об. [8]) Л. 75 об. [9]) Л. 519 об.

Изъ деревьевъ Галятовскій упоминаетъ „тополѣ оказалыи“, „теребѣнты вспанялыи“, лявры квѣтнучыи, циприсы пахнучыи, дубы Васанскіи, кедры Ливанскіи[1]). О *кипарисѣ* говорится, что это „древо пахнучое, которого запахъ далеко чути“[2]). *Кедръ* всегда цвѣтетъ—и лѣтомъ и зимою[3]) онъ имѣетъ чудодѣйственную силу—„ужовъ розгоняетъ и забіяетъ“, вслѣдствіе чего на Ливанскихъ горахъ, гдѣ кедры растутъ, никогда не бываетъ ужей[4]).

Такою же чудодѣйственною силою изъ травы обладаетъ *рута*: „боятъся си ужѣ и утѣкаютъ отъ неи“[5]). Изъ другихъ травъ встрѣчаетъ геліотропъ и хелидонію. *Геліотропъ* всегда наклоняется къ солнцу и „ему конфирмуется“: гдѣ солнце, туда клонится и геліотропъ[6]). Что касается *хелидоніи*, то ею ласточки слѣпымъ своимъ дѣтямъ „очи отворяютъ“ и „уздоровляютъ“ ихъ[7]).

5.

Свѣдѣнія Галятовскаго по *анатоміи*, и вообще изъ *медицины*, смутны и отрывочны. Въ тѣлѣ человѣческомъ „знайдуютъся: сѣра, жилы, кости“[8]); человѣкъ „зложеный“ зъ двухъ частей „естественныхъ“—души и тѣла[9]); тѣло человѣческое „подобно естъ скурѣ быдлячой, маетъ въ собѣ пожадливости быдлячыи бестіалскіи“[10]). Человѣкъ состоитъ изъ 4 элементовъ,—огня, воды, воздуха и земли,—которые всегда „войну зъ собою точатъ“, и вслѣдствіе этой; „незгоды и войны внутреннеи люде умираютъ и тѣла ихъ псуются“[11]).

Болѣзни Галятовскій объясняетъ простымъ образомъ: „кто много естъ и много пьетъ“, читаемъ въ казаньи на 26-ю недѣлю по Сош. Св. Духа: „той не много будетъ жити“, такъ какъ желудокъ, наполненный обильною пищей и питьемъ, не можетъ того „стравити и роспираетъся и бо-

---

[1]) Л. 104 об. [2]) Л. 262 об. [3]) Ibidem. [4]) Л. 336 об. [5]) Л. 365. [6]) Л. 365 об. [7]) Л. 295. [8]) Л. 19. [9]) Л. 134 об. [10]) Л. 223 [11]) Л. 236; въ Кл. Р. 1659 г. этого мѣста нѣтъ.

литъ", потомъ эта боль отъ желудка расходится по всему тѣлу и „душу зъ тѣла выгоняетъ"[1]). Поэтому то бѣдные люде, какъ мало ѣдящіе, живутъ дольше богатыхъ[2]).

Изъ названій болѣзней у Галятовскаго встрѣчаемъ не много: „хороба карбункулъ"[3]), это „прищѣ названыи карбункулами"[4]); фебра, которая „людей отмѣняетъ и спадаетъ лице ихъ[5]"); кто „паралѣжемъ зараженый", тотъ не можетъ „рушити члонками своими"[6]).

Медицинскихъ совѣтовъ у Галятовскаго почти не встрѣчаемъ. „Кто маетъ очи тупыи и слабыи, не можетъ чего добре видѣти", говоритъ Галятовскій: „той зажываетъ сродку, (средства), зажываетъ окуляровъ (очки), албо перспективы, жебы могль якую речъ видѣти добре"[7]). Впрочемъ, есть и лѣкарство на очи", которое совѣтуютъ учителя церковные, это—„коллѣріумъ", которое приготовляютъ „зъ цукру (сахару) и зъ водки рожанои"[8]).

Мы этимъ кончаемъ разборъ естественно-научныхъ знаній „Ключа Разумѣнія". Естествознаніе было областью, откуда Галятовскій щедрою рукою бралъ свои полуфантастическіе, полуреальные приклады. Оцѣнить эти знанія Галятовскаго, конечно, можно только, сравнивъ ихъ съ такими же знаніями современниковъ. А сравненіе это показываетъ, что Галятовскій зналъ гораздо больше ихъ.

---

[1]) Л. 33 об. [2]) Л. 33 об. [3]) Л. 248. [4]) Чудо 48 въ Каз. Прид. [5]) Л. 120; чудо 48-е. [6]) Л. 119 об. [7]) Л. 235. [8]) Л. 69 об.

IV.

Философскія знанія Галятовскаго.

Философскія знанія Галятовскаго, которыя находимъ въ его „Ключѣ Разумѣнія“, не отличаются особенной глубиною и полнотою. Философія преподавалась въ старшихъ классахъ Кіевской коллегіи и носила вполнѣ средневѣковый характеръ, она была ancilla teslogiae. Охватывала она довольно обширную область,—„философъ дишкуруетъ“, говоритъ Галятовскій: „о речахъ створеныхъ“[1]). Учебники философіи XVII вѣка обыкновенно дѣлятся на три части: философію умственную или логику, естественную или физику и божественную или метафизику[2]). Обыкновенно философскія знанія не шли дальше Аристотеля.

Въ казаньи 2-мъ на Іоанна Богослова Галятовскій хвалитъ этого святого „отъ философіи“ и перечисляетъ десять философскихъ предикаментовъ. „Знайдутся и философовъ десять Предикамента,“ говоритъ Галятовскій: „въ которыхъ... вшелякіися речы замыкаютъ, и до нихъся стягаютъ и належатъ“. „Першое предикаментумъ“—субстанція—„истность, которая сама презъ себе зостаетъ, и маетъ свою бытность“. *Второй* пред.—„квантитасъ, количество, гды пытаемо, количій естъ человѣкъ онъ, чы малый? чы великій?“ Третій пр.—*кваліытасъ*, яковость, на вопросъ „яковый кто естъ“. 4-й пред.—„реляціо, взглядъ албо одношенье, который взглядъ кто до кого маетъ“. 5-й пред.—„*акціо*, чиненье, гды кто чинитъ що доброе албо злое“. 6-й—„*Пассіо*, терпѣніе, гды кто терпитъ що на свѣтѣ“. 7-е—„*квандо*, когда, тоестъ которого часу щося дѣяло“. 8-е пред.—„*убе*, где? тоестъ на якомъ мѣстцу щося дѣяло“. 9-е—„*синтусъ*, положенье албо роспораженье

[1]) Л. 73 об. [2]) Н. Сумцовъ, І. Галятовскій, стр. 6.

частей тѣла якого". Послѣднее предикаментумъ, десятое – „Габѣтусъ, одежда, якую кто одежду маетъ".

Въ казаньи на Воздвиженіе находимъ описаніе четырехъ философскихъ причинъ, „безъ которыхъ нѣчого на свѣтѣ не можетъся стати"[1]). Первая причина—„чынячая, которая що чынитъ". Вторая причина—матеріальная, „зъ которои якая речъ стаетъся"; матеріальной причиной въ человѣкѣ есть тѣло[2]). Третья причина—формальная, которая даетъ „истность вшелякой речи"; этой причиной въ человѣкѣ является душа разумная. Послѣдняя причина—финальная, конечная[3]).

Изрѣдка у Галятовскаго попадаются изрѣченія древнихъ философовъ. Такъ римскій философъ Бруксиллюсъ, умирая, сказалъ: „нѣчого не естъ щаслившого надъ того человѣка, для чыего житія всѣ плачутъ, и для чыеи смерти всѣ веселятся"[4]) (очевидно, тутъ путаница—нужно обратно, или нужно отрицаніе при словѣ щаслившого: несчаслівшого).

Ученіе о душѣ у Галятовскаго такого же характера, какъ и вышеприведенное: Душа человѣческая маетъ въ собѣ тры моцы—Роснучую, Чуючую и Розумѣючую"[5]). Эти три „моцы" рознятся между собою и находятся въ отдѣльности; въ цвѣтахъ находится „моцъ роснучая", ибо цвѣты растутъ и „моцы чуючои" въ нихъ нѣтъ. Въ звѣряхъ находится моцъ роснучая и чуючая, ибо звѣри и растутъ и чуютъ; въ душѣ же человѣческой находятся всѣ эти три моцы—роснучая, чуючая и розумѣючая („еднакъ не три души въ человѣку, але одна душа естъ", такъ и Богъ: хотя въ трехъ лицахъ, но одинъ)[6]).

Въ другомъ мѣстѣ, въ казаньи на Рождество Христово, читаемъ, что „душа естъ часть человѣчая, истность не досконалая, не зуполная, раздѣлная"[7]). Безъ тѣла душа не можетъ назваться персоною, такъ какъ „маетъ взглядъ до

---

[1]) Л. 333. [2]) Л. 335. [3]) Л. 337 об. [4]) Л. 488. [5]) Л. 213 об. Есть и въ К. Р. 59 г. [6]) Л. 213 об.; въ Ключѣ Р. 1659 г. этого мѣста нѣтъ. [7]) Л. 73 об.

тѣла, и знову въ день остатній зъ тѣломъ злучитъся и зъедночитъся“[1]). Но и „безъ душѣ розумнои не можемо человѣка познати и ограничити“[2]).

У человѣка пять чувствъ („смысловъ“): видѣніе, слышаніе, обоняніе, смакованіе и доткненіе.

Этимъ, собственно говоря, и ограничиваются философскія знанія Галятовскаго, находимыя въ его „Ключѣ Разумѣнія“.

Знаній другихъ областей науки,—напр. филологіи или математики, исключая единичныхъ фактовъ, въ „Ключѣ Разумѣнія“ не находимъ. Въ одномъ мѣстѣ Галятовскій два естества въ Христѣ доказывалъ даже разборомъ слова азъ, мя, тя. А о геометрахъ, „которыи свѣтъ мѣряютъ“, говоритъ вскользъ, заимствуя у нихъ размѣры пекла[3]). О знаніи языковъ, какъ мы видѣли, Галятовскій очень высокаго мнѣнія: высшей мудростью онъ считаетъ знаніе языковъ еврейскаго, греческаго и латинскаго[4]).

Хотя Галятовскій и совѣтуетъ проповѣднику читать исторіи и хроники о разныхъ сторонахъ, однако географическихъ данныхъ, описаній народовъ, особенно восточныхъ, въ „Ключѣ“ почти не встрѣчаемъ. Географическая номенклатура Галятовскаго, хотя въ общемъ и богатая, немногимъ выходитъ за предѣлы номенклатуры библейской. Изъ номенклатуры современной встрѣчаемъ преимущественно западную и очень рѣдко восточную. „Въ сторонахъ Индійскихъ“, читаемъ въ чудѣ 44 одно изъ рѣдкихъ мѣстъ послѣдняго рода: „естъ выспа названая Куба, на которой выспѣ индійчикове завелися“[5]).

Отмѣтимъ еще, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ „Ключа“ читаемъ объ олбримахъ, великанахъ, которые жили до потопа[6]).

---

[1]) Jbidem [2]) Л. 336 об. [3]) Л. 363. [4]) Л. 322 об.—323. [5]) Каз. Прид. 1660 г. чудо 44. [6]) Л. л. 413, 480.

Мы окончили разсмотрѣніе реальныхъ знаній Галятовскаго, находимыхъ нами въ его „Ключѣ Разумѣнія“. Знанія эти, какъ мы видѣли, богаты и разносторонни. Правда, съ современной точки зрѣнія знанія эти полуфантастичны, не всегда правдивы. Но цѣнить литературнаго дѣятеля, особенно его научныя знанія, можно только съ точки зрѣнія той эпохи, въ которую жилъ и писалъ этотъ дѣятель. Мѣркою XIX вѣка нельзя мѣрять писателя XVII вѣка. А ставъ на такую точку зрѣнія мы должны сказать, что Галятовскій зналъ гораздо больше своихъ современниковъ.

Многія изъ тѣхъ данныхъ, которыя мы находимъ въ „Ключѣ Разумѣнія“, еще и теперь живутъ въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ украинскаго народа. „Ключъ Разумѣнія“ выдержалъ три изданія и разошелся по многимъ мѣстамъ южной, даже сѣверной Руси, разнося съ собою и тѣ знанія, которыя онъ заключалъ въ себѣ. „Ключъ Разумѣнія“ для своего времени вполнѣ оправдывалъ свое названіе: онъ былъ настольной энциклопедіей.

И. И. Огіенко.

БИБЛІОТЕКА